

System error? Москва и западные соседи в 1920-30-е гг.

Существование России-СССР с новыми независимыми государствами, возникшими на руинах трех европейских империй после первой мировой войны, завершилось катастрофой. Череда агрессивных войн (с Польшей и Финляндией) и угроз применения силы (в отношении Эстонии, Латвии, Литвы и Румынии) в 1939-1940 гг. положили конец самостоятельному существованию большинства западных соседей Советского Союза, включенных в состав Советского Союза. Выжившие – Финляндия и Румыния – были брошены в объятия Германии, их войска дошли до Ленинграда и Сталинграда. Последствия известны. Обруч, стянувший восточноевропейских соседей СССР в годы второй мировой войны, просуществовал полвека.

Для современного общественного сознания и академической истории насильственный итог сосуществования СССР с его западными соседями выглядит вполне естественным. Множественные трактовки опыта их взаимоотношений в 1920-30-е гг., как правило, сходятся в своих исходных посылах. Наиболее общей из них является представление о международной политике как извечной борьбе государств за свои особенные интересы и, в конечном счете, господство над другими – представление, столь близкое обыденному сознанию мировой периферии. Для сторонников этого взгляда («реалистической парадигмы» в изучении международных отношений) воля к доминированию не могла не быть константой целей и мотивов Кремля. Едва ли не общепринятым является тезис о том, что совмещение традиционного российского империализма с большевистской безжалостностью определило особую агрессивность советской системы. После опыта «полевой мировой революции» в 1917-1921 гг. эта агрессивность затаилась в предвкушении нового мирового катаклизма и в 1939 г. попросту вновь обнаружила себя. Столь же естественным выглядит аннексионизм Москвы и для советского миропонимания, ныне выражающего себя в популярных рассуждениях насчет особенных «национальных интересов» России и ее «исторической миссии» – благодетельствовать неблагодарному окружающему миру¹.

Между тем, представление о международной среде как социальных джунглях, в которых идет жестокая борьба за выживание, никогда полностью не совпадало с реальностью. В период между двумя мировыми войнами не только взаимоотношения держав-победительниц, но и контакты между наследниками Российской империи включали элементы социально-культурной гомогенности, ощущения общности судеб и государственных интересов. Польский министр финансов и бывший шеф разведки И. Матушевский сожалел, что ему приходится вести дела не на русском, а на более бедном польском языке. Руководитель национальных демократов Р. Дмовский предрекал наступление времен, когда польские дивизии в Сибири будут защищать Россию и Европы от азиатской экспансии. Глава эстонского государства К. Пятс не чурался службы юрисконсульта советского торгпредства в Таллине. Нарком иностранных дел Литвинов убеждал своих коллег в том, что присоединение Бессарабии к Румынии является законным завершением органичного процесса румынского национального возрождения. Прежде чем отправиться в Геную, возглавляемая Г. Чичериным делегация прибыла в Ригу для согласования своей позиции с малыми восточноевропейскими странами. В 30-е гг., с появлением германской угрозы, основа-

¹ Две трети населения России верит тому, что она «всегда вызывала у других государств враждебные чувства, что нам и сегодня никто не желает добра» (данные ВЦИОМ 2000 г.). Следовательно, критерием оценки политики России могут быть лишь ее собственные интересы, и, например, «действия Красной армии в Польше [в 1939 г.] могут рассматриваться в соответствии с современной терминологией как *миротворческая операция*» (М.И. Мельтюхов. Советско-польские войны: Военно-политическое противостояние 1918-1939 гг. М.: «Вече», 2001. С.408 (курсив оригинала!)).

тель чехословацкого государства президент Т. Масарик выражал сожаления, что Москва не понимает, каких верных вассалов она могла бы иметь в лице этих стран, в первую очередь славянских...

С другой стороны, участие СССР в борьбе за влияние в Восточной Европе и даже его готовность к применению силы не должны отождествляться с аннексионизмом образца 1939 г., а стремление к доминированию – непременно с агрессией. Истоки послевоенной «финляндизации» – системы взаимоотношений СССР с небольшим государством, при которой оно соглашается на ограничение своего суверенитета во внешних делах в обмен за конструктивное отношение к себе со стороны великого соседа – нетрудно обнаружить уже в советской балтийской политике 20-х гг., сочетавшей экономические преференции и гарантии ненападения с субсидированием политических партий и органов печати. Несмотря на неудовлетворенность условиями мирного договора с Польшей, в 1924 г. советская дипломатия отказалась от предложения Берлина начать переговоры об «оттеснении Польши к ее этнографическим границам». Новому разделу Польши Москва тогда предпочла «исправление границ» в рамках «генерального соглашения» с самой Польшей, а после того, как этот вариант оказался невозможен, в начале 1925 г. приступила к нормализации отношений с нею на основе сохранения статус-кво.

Разумеется, эти и другие факты несложно объяснить временной слабостью «советского медведя» и его уловками, рассчитанными на то, чтобы усыпить бдительность других государств. Именно такое объяснение представлялось особенно убедительным в 1939-1940 гг., когда британские политики вспоминали пророчество Р.Киплинга, призывавшего «не заключать мировой с Медведем, что ходит как мы»: «Когда он сложит лапы с поникшей головой, вот это минута смерти – минута мировой»². Антропоморфные (или звероподобные) образы принуждают мыслить государство как некую целостность, управляемую присущей ему единой системой целеполагания или набором прирожденных инстинктов.

Вряд ли необходимо доказывать, что невозможно полагаться на объясняющую силу такого художественно-синтетического подхода, по самой своей природе не поддающегося верификации. Архивные разыскания последнего десятилетия помогли изжить иллюзии в отношении большевистских вождей, но разочаровали тех, кто пытался отыскать следы некоего *master plan* – большого стратегического замысла, положенного в основу советской внешней политики. Его дедуктивное конструирование, основанное на скрижалях ленинизма и саморазоблачительных высказываниях эпохи гражданской или кануна второй мировой войны, мало что дает для понимания прагматического поведения Москвы в межвоенную эпоху.

Столь же сомнительны как способ объяснения политических реалий ссылки на устойчивые личные мотивы Сталина и других членов советского руководства в отношении, например, Германии или Польши³. Бесспорно, ленинская практика сокрытия и уничтожения документов о том, чем вдохновлялась и как делалась внешняя политика Кремля, до известной степени оправдывает подверстывание сохранившихся свидетельств под тезис об агрессивности советского коммунизма.

Вместе с тем слишком часто новые материалы не укладываются в рамки этого воззрения. Они показывают, насколько сложным и противоречивым был процесс формирования внешнеполитического курса на протяжении 20-30-х гг., какие серьезные изменения претерпевал на про-

² Г.Городецкий. Миф «Ледокола»: Накануне войны. М., 1995. С.84-85.

³ Так, один из лучших исследователей советско-польских отношений полагает, что главной причиной их кризисного состояния в конце 30-х гг. являлась «глубоко укоренившаяся неприязнь Сталина к Польше еще со времени поражения в польско-советской войне 1920 г.» (С.З. Случ. Гитлер, Сталин и генезис четвертого раздела Польши // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939-1941 гг. / Отв. ред. В.К. Волков, Л.Я. Гибианский. М., 1999. С.92). Однако в начале 30-х гг. не кто иной как Сталин, ломая сопротивление других членов высшего политического руководства и наркомата по иностранным делам, добился осуждения «антиполонизма» тогдашней советской политики и настоял на вступлении в переговоры с Польшей о заключении пакта ненападения (см. ниже).

тяжении этих лет механизм принятия соответствующих решений (остающийся, впрочем, во многом загадочным)⁴. Наконец, "выделять "внешнюю политику" из политики вообще... есть в корне неправильная, немарксистская, ненаучная мысль", объяснял Ленин⁵, и это было во многом верное описание "иностранной политики" основателя советского государства, его помощников и наследников. Анализ отдельных решений создает впечатление, что для сталинского руководства существовали внешнеполитические вопросы в рамках "политики вообще", а не внешняя политика как таковая.

Один из возможных способов преодоления отмеченных выше препятствий к постижению советской внешней политики состоит, во-первых, в обращении от ее *общих мотивов и целей*, которые упорно выскальзывают из рук исследователей, к *поведению* Москвы. Этот путь совсем не нов. Так аналитик, разочарованный в возможностях понять современную российскую политику на основе концепта политической культуры, возлагает надежды на исследование институциональной практики. Так врач, отчаявшись добиться от пациента точного описания симптомов болезни или получить его согласие на проведение клинических анализов, опрашивает свидетелей и регистрирует сдвиги в повадках больного. Во-вторых, что бы ни заявляла о себе первая в мире страна социализма, сколь бы ни были беспредельны мировые амбиции государства, поместившего на своем гербе изображение земного шара, Россия 1920-30-х гг. была лишь региональной державой, с трудом преодолевавшей комплекс «государства-изгоя». Поэтому ее отношения с европейскими соседями могут служить основой для анализа советской политики в целом.

В своем развитии эти отношения прошли несколько стадий. На рубеже 20-х годов большевистская Россия ощупью определяла пределы возможного. Ее границы уже не проходили по рубежам Великого княжества Московского (как это было летом 1919 г.), но советизация Грузии в феврале 1921 г. стала последней успешной акцией по расширению границ социализма. Важнейшая часть имперского наследия – двухсотлетнее господство на Балтике, вековое обладание Бессарабией и Финляндией и приобретения, сделанные при последнем разделе Речи Посполитой в XVIII в. – была утрачена. Первой страной, с которой Москва пожелала и сумела заключить мирный договор стала Эстонией. В течение одного года за Тартуским миром (февраль 1920 г.) последовали мирные договоры России с Литвой, Латвией, Финляндией и Польшей. Отказавшись от всяких суверенных прав на земли стран Балтии, большевистская Россия одной из первых признала их независимость. Мирные договоры были заключены на весьма выгодных для российских партнеров условиях определения границ, имущественных компенсаций и возвращения культурных ценностей. Наконец, летом 1921 г. советское руководство отказалось от блистательного замысла Фрунзе «о захвате Бессарабии одним ударом» («эта мысль очень соблазняла Ильича»).

Первая половина 20-х гг. стала временем экспериментов по налаживанию отношений с соседями, одни из которых представлялись «главными ближайшими противниками» (Польша и Румыния), а другие – пропуском в большой мир. Первыми посланниками-полпредами Советской России в Таллинне, Риге и Варшаве стали никак не менее как члены Коллегии Наркоминдела – Литвинов, Иоффе, Карахан (последний вел и переговоры об установлении отношений с Румынией). Одновременно с поддержкой III-м Интернационалом коммунистических инсургентов, советское государство демонстрировала стремление к партнерству с соседними государствами, особенно малыми. На попытку создания военно-политического союза Польши с Финляндией, Латвией и Эстонией Россия реагировала кротким приглашением их представителей на

4 См.: О.В. Хлевнюк. Политбюро: механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996; Г. Адиебеков и др. (ред.). Политбюро ЦК ВКП(б) и Европа: Решения "особой папки". 1923-1939. М., 2001; S. Dullin. Des hommes d'influences: Les ambassadeurs de Staline en Europe 1930-1939. P., 2001; О.Н. Кен, А.И. Рупасов. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920-1930-х гг.). Проблемы. Документы. Опыт комментария. Ч. 1. 1928-1934. СПб., 2000.

⁵ Цит. по: Э.А. Поздняков. Внешнеполитическая деятельность и межгосударственные отношения. М., 1986. С.10.

конференцию по разоружению. На декабрьской конференции 1922 г., обуславливая заключение с соседями договоров о ненападении их согласием на ограничение взаимных вооружений, Москва – первый и последний раз за всю историю внешних сношений СССР – даже обещала, в случае возникновения двусторонних конфликтов, следовать решениям международного арбитража. В интересах развития обоюдывыгодного транзита товаров советские организации инвестировали свои средства в развитие таллиннского порта, а латвийские – в строительство элеваторов для экспортируемого Россией зерна. Идя навстречу пожеланиям к расширению хозяйственных связей, Москва стремилась разубедить прибалтов в том, что укрепление России будет означать «начало конца всяким Латвиям». В переговорах с Румынией 1921-1922 г. советская сторона вплотную приблизилась к признанию ее суверенитета над оккупированной Бессарабией в обмен за отказ Бухареста от предъявления финансовых и имущественных претензий. В период революционного кризиса в Германии (осень 1923 г.) советское руководство отнюдь не бряцало оружием, вместо этого добиваясь сохранения нейтралитета Польши и трех балтийских стран в обмен на предоставление им экономических и политических выгод. Казалось, как считал тогда руководитель МИД Польши, в советском руководстве все лучше осознают: путь из Москвы в Берлин, Париж и Брюссель лежит через Варшаву, а не наоборот.

К середине 20-х гг. в советской политике нарастали противоположные тенденции и заинтересованность в сотрудничестве с соседями заметно ослабла. Иллюзии в отношении прибалтов развеялись: идя на сближение с Советами, новые государства региона требовали международно-правовых гарантий и явно не желали отказываться от укрепления дружественных отношений с другими странами. Подкуп политиков, вроде неоднократно занимавшего пост премьер-министра Латвии К. Ульманиса, ничего не мог в этом изменить. В начале 1925 г., воспользовавшись ничтожным предложением, Политбюро пересмотрело балтийскую политику, поставив во главу противодействие сближению стран этого региона как якобы «тающего в себе непосредственную угрозу опасности (sic) СССР». Латвия и Эстония становились объектом «экономического давления», а Литва как самое слабое из них – орудием «разложения этого блока». Эстонцам было заявлено, что советское правительство не потерпит установления в Прибалтике «руководящего влияния, хотя бы в самой отдаленной и косвенной форме, со стороны третьих государств».

В отношении Польши и Румынии «соответствующим организациям» поручалось и впредь «всемерно использовать существующие на окраинах этих государств национальные противоречия». Кремль не возобновлял свои публичные претензии на вошедшую в состав Польши Восточную Галицию, но и не дезавуировал заявлений на этот счет, сделанных советскими официальными лицами в 1923-1924 гг. Разуверившись в подрыве румыно-польского союза, в начале 1924 г. советское руководство окончательно отказалось от заключения с Румынией мирного договора и торгового соглашения на основе территориального статус-кво и приступило к созданию «румынского Пьемонта» в виде миниатюрной Молдавской АССР (будущего «Приднестровья»). Вступив в открытое противоборство с Польшей как сильным восточноевропейским государством, в 1925 г. Москва возлагала главные надежды на уязвимость ее положения между СССР и Германией.

Глубокая переакцентировка советской политики определялась прежде всего двумя обстоятельствами. Во-первых, предлагать свою «любовь» соседним европейским государствам с точки зрения советских интересов оказалось, по выражению видного наркоминдельца К.Юренева, «не только бессмысленно, но и компрометантно». Бессмысленность определялась нежеланием даже наиболее малых стран отказаться от политики, направленной на международное укрепление своего суверенитета и, следовательно, «блокирование» с соседями. Мириться с этими устремлениями для Москвы становилось «компрометантно». Во-вторых, для СССР наступала «полоса признания» со стороны «настоящих западных стран». Вслед за поверженной Германией дипломатические отношения с Советской Россией в 1924 г. установили великие ев-

ропейские державы – Англия, Франция и Италия. Возрождение российского влияния в международной политике отныне ассоциировалось не с развитием контактов СССР с «провинциальными правительствами лимитрофов» (как характеризовал их позднее нарком М.Литвинов), а со вступлением в клуб великих держав, пусть сначала и в роли их младшего партнера. Эти амбиции подпитывались небезосновательными расчетами на успехи экономического восстановления, позволяющего обойтись без посреднических услуг «провинциалов» и самостоятельно оперировать на мировых рынках. Урегулирование отношений с западными соседними странами было остановлено на полпути.

Советская активность в странах-лимитрофах на протяжении второй половины 20-х гг. лишь в малой степени была ориентирована на использование возможностей взаимовыгодного сотрудничества и вообще определялась отнюдь не состоянием двусторонних отношениях. Прямо или косвенно она отражала флуктуации международного положения СССР – усиливающийся с 1925 г. дрейф Германии в сторону Запада, разрыв англо-советских отношений в 1927 г., большие и малые кризисы в отношениях Советов с другими государствами. Исходя из соображений «большой политики» в 1926 г. Москва заключила пакт о ненападении с Литвой (с которой СССР, впрочем, не имел общей границы), сопроводив этот акт нотой о непризнании суверенитета Польши над Виленским (Вильнюсским) краем. Приступив к переговорам с Польшей о заключении договора о ненападении (что рассматривалось обеими сторонами как необходимое условие для подлинной нормализации их взаимоотношений), советская сторона была озабочена в первую очередь тем, какое воздействие этот процесс окажет на отношения СССР с Германией и Францией и не приведет ли подписание договора с Польшей к усилению ее влияния в Прибалтике. Соответственно, *sine qua non* соглашения с соседними государствами было объявлено ведение переговоров с каждым из них в отдельности и совершенно независимо от других. По отношению к Латвии эта политика сопровождалась попыткой “купить” ее, однако заключение в 1927 г. выгодного для Риги торгового договора с СССР не подвигло ее на подписание согласованного ранее советско-латвийского гарантийного пакта.

Следствием этих провалов во внешнеполитической линии СССР стало нарастание ожесточения по отношению к упрямым лимитрофам. Летом 1928 г. советская дипломатия едва не упустила шанса присоединиться к сообществу западных стран, подписавших договор об отказе от войны как орудия национальной политики (пакт Бриана-Келлога). Наверстывая упущенное и стремясь проявить себя в роли международного посредника, Москва предложила Варшаве и Каунасу подписать протокол о досрочном введении в жизнь этого безвредного договора. В ходе последующих переговоров поляки переиграли советскую дипломатию и превратили подписание Московского протокола (февраль 1929 г.) в “круглый стол”, за которым собрались почти все европейские соседи СССР. Это неожиданное обстоятельство, которое при других условиях могло бы положить начало урегулированию отношений СССР с государствами всего западного пояса от Финляндии до Румынии, спровоцировало Кремль на искусственное обострение отношений с Варшавой и затем и Хельсинки. В общем, объяснял Сталин Коллонтай в конце 1929 г., гарантийный пакт (или пакт о ненападении) “важен нам с большими капиталистическими державами, как с Германией, или для упрочения дружбы, как с Турцией; с Норвегией он практического значения не имеет. Но если... вы можете добиться таких условий, какие пока не дают крупные страны, это будет полезно, мы этот шаг за образец возьмем”. Советская дипломатия в отношении соседей доказывала этот тезис «от обратного».

В начале нового десятилетия Москва продолжала, по признанию Литвинова, “танцевать на германской ноге” (и пробовала опереться на французскую – начав весной 1931 г. переговоры о пакте ненападения и торговом соглашении с Парижем). Кризис в отношениях с соседними странами, казалось, не беспокоил советскую дипломатию: договоренность с Францией и Германией при неплохих отношениях с другими европейскими державами обещала сломить твердость поляков, подорвать их влияние на малые приграничные государства, разрушить солидарность

прибалтов – в общем, полностью изменить расстановку сил в восточноевропейском регионе.

Эти расчеты были подорваны инициативой Польши возобновить переговоры о двустороннем договоре ненападения при условии одновременного заключения СССР аналогичных договоров со всеми другими приграничными западными государствами. Наркоминдел ответил отказом, объясняя его нецелесообразностью омрачать отношения с немцами и уверенностью, что французы, идя на сближение с СССР, не поддержат настояния Польши. Партийное руководство отклонило эту аргументацию. Озабоченный тяжелым внутренним кризисом, Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) потребовал отнестись к польскому предложению с точки зрения «коренных интересов революции и социалистического строительства». Вопрос о пакте ненападения с Польшей встал перед Москвой как «вопрос о мире». Характерно, однако, что окончательно решение о вступлении в переговоры о ненападении Политбюро приняло лишь после ультиматума Франции, заявившей, что без выполнения этого условия ее сближение с Советами невозможно. Новый приступ внутренней слабости и все те же соображения «большой политики» осенью 1931 г. вернули СССР к поискам компромисса с соседними государствами.

Однотипные договоры о взаимном ненападении, неучастии во враждебных комбинациях и нейтралитете, а также конвенции о согласительной процедуре, которые на протяжении 1932 г. Москва подписала с Хельсинки, Таллинном, Ригой и Варшавой означали ее фактическое согласие с принципом одновременного урегулирования политических отношений со всеми западными соседями и с расширительным толкованием ненападения как отказа от всякого нарушения территориальной целостности и политической независимости. Вынужденное самоограничение – отказ от всяких покушений на статус-кво в Восточной Европе быстро переросло в готовность СССР затруднить его насильственным нарушением любым государством. В Лондонских конвенциях об определении нападающей стороны, подписанных СССР в июле 1933 г. со всеми приграничными государствами (в том числе с Финляндией, Эстонией, Латвией, Литвой, Польшей, Румынией), по инициативе наркома М. Литвинова был закреплен развернутый перечень экономических и политических акций, которые государства-участники отождествили с международной агрессией⁶. Вместе с тем заключение этих соглашений явилось ответом государств Восточной Европы на утверждение в Германии национал-социализма и на попытки западных государств подготовить условия «мирной» ревизии послевоенного порядка в соответствии с пожеланиями Германии и фрондирующей Италии.

Перемены в советской политике в отношении соседних стран оказались для нее огромным благом. В обстановке разрастающегося конфликта на Дальнем Востоке, начатого вторжением Японии в Северный Китай осенью 1931 г., и превращения Германии в источник основной угрозы безопасности СССР он получил от соседних государств дополнительные гарантии спокойствия на своих западных границах. Более того – отказ от презрительного отношения к малым восточноевропейским странам как к вассалам западных государств и налаживание отношений с непосредственными соседями позволил Советскому Союзу впервые претендовать на роль великой европейской державы, представляющей как собственные интересы, так и интересы других стран, находящихся в непосредственной близости и связанных с нею общим пониманием потребностей своей безопасности. Сделав ставку на договоренности по проблемам безопасности взамен тотальной пацифистской пропаганды СССР обрел качества respectable партнера великих держав, заинтересованных в сохранении мира.

Сдвиги 1931-1933 гг. не означали, однако, полной победы новых тенденций. Москва оказалась неспособной изжить собственные ревизионистские чаяния. Несмотря на то, что Румыния в конечном счете согласилась заключить с Советским Союзом договор о ненападении, в кото-

⁶ В 1930-е гг. проблема международно-правового определения понятия агрессии была не менее остра, чем согласование дефиниции международного терроризма в начале следующего столетия: в обоих случаях речь шла о реальном содержании внешнеполитических акций, направленных против общепризнанного зла.

ром были бы упомянуты и «споры» между сторонами, руководство Политбюро добивалось официального признания ею «существующих споров», что ставило под сомнение румынский суверенитет по отношению к Бессарабии. Настойчивость Сталина и его коллег, ради этого требования пренебрегших аргументами о преимуществах дипломатического урегулирования отношений с Румынией, свидетельствует в пользу мнения румынского представителя на переговорах с СССР М. Стурдзы: «Бессарабия – политическая брешь, заботливо сохраняемая в границах буржуазного мира... Советы откажутся от своей бесценной выгоды этой бреши только тогда, когда они уже перестанут быть Советами, когда откажутся от этого разрушения или, по крайней мере, когда они начнут реально эволюционировать в этом направлении». Официальные претензии на Бессарабию (с 1924 г. Москва требовала проведения там плебисцита о присоединении к СССР) подкреплялись притязаниями на восточные земли Польши, закрепленные за ней Рижским договором 1921 г. Они горячо поддерживались коммунистическими властями на Украине и Белоруссии, стремившимися легитимировать себя в качестве выразителей национальной воли разъединенных народов.

Эти обстоятельства во многом определили неспособность советского руководства к продолжению политического сближения с Польшей в 1933-1934 гг. Столкнувшись к нежеланию поляков согласиться на одностороннее ограничение свободы политического маневра, советское руководство вместо достижения компромисса (в частности, свертывания перманентной антипольской кампании на Украине) предпочло пойти на охлаждение отношений. Основная ставка была сделана на развитие взаимопонимания СССР с Францией, а возражения тех, кто доказывал, что путь в Париж лежит через Варшаву, – отвергнуты. Предпринятая Москвой и Парижем при поддержке Англии попытка создать в Восточной Европе региональную систему безопасности и принудить Польшу к участию в ней потерпела в 1934-1935 гг. провал. Без соглашения СССР с соседними Румынией и Польшей (в том числе, о пропуске войск) договоры о взаимной помощи, заключенные Советским Союзом с Францией и Чехословакией, попросту не могли быть реализованы: эпоха баллистических ракет еще не наступила.

Советские-румынские переговоры о заключении пакта взаимопомощи натолкнулись на прежнее препятствие – отказ СССР от претензий на Бессарабию. Тщетно румынский министр иностранных дел Н. Титулеску убеждал своих контрагентов, что на время забыв о Правобережье Днестра Россия может получить «всю Румынию» в качестве надежного партнера, связывающего СССР и Чехословакию, открывающего русским путь к возвращению на Балканы (Югославия – союзница Румынии – в то время даже не имела с СССР дипломатических отношений). В августе 1936 г. отставка Титулеску, так и не сумевшего добиться от Советов признания целостности Румынского королевства, положила конец проектам советско-румынского союза. Возможности распространения российского влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе тем самым были фактически перечеркнуты.

Невозможность опереться на союзные Франции Польшу и Румынию (а следовательно и на саму Францию) во многом обесценивала укрепление российского влияния в балтийских государствах. Заявляя о своей обеспокоенности как «явлениями, представляющими для этих государств внешнюю опасность» так и «развитием внутривнутриполитических процессов, которые могут способствовать потере или ослаблению независимости» Литвы, Латвии и Эстонии, Москва с 1933 г. все увереннее разыгрывала роль их покровителя. В середине 30-х гг. политические элиты соседних малых стран испытывали в отношении Москвы амбивалентные чувства схожие, по выражению американского посла У. Буллита, с теми, которые вызывало в Коринфе и Спарте укрепление македонского государства Филиппа II. Трудное международное положение и растущие аппетиты национал-социалистской Германии в отношении стран Балтии подталкивали их к ориентации на СССР. Однако когда летом 1935 г. вопрос о возможности заключения СССР договоров о взаимной помощи с Латвией и Литвой оказался перенесен в практическую плоскость, наркомат иностранных дел был вынужден разъяснить, что Москва не считает нужным предос-

тавлять им какие-либо реальные гарантии, ибо «такой пакт, не давая нам материально ничего или почти ничего, односторонне связывал бы нам руки обязательством по оказанию материальной помощи в случае нападения на них Германии или Польши. Когда такое нападение случится, мы и без того сможем, *если сочтем нужным* оказать им помощь». Начальнику Генштаба А. Егорову, в начале 1937 г. совершавшему турне по балтийским столицам, было запрещено даже обсуждать возможность поставок советского оружия и военных материалов (кавалерийских шашек и седел, о продаже которых просила Литва, и т. п.). При этом советские представители поучали Эстонию, население которой составляло одну сто пятидесятую населения СССР: «Бездействие: в нашу напряженную эпоху борьбы за мир является фактическим противодействием системе коллективной безопасности и равноценно содействию агрессору». Фактически уже с середины 30-х гг. советское поведение в Европе возрастающей степени направлялась провозглашенным в 1939 г. тезисом о том, что первейшая обязанность СССР состоит в том, чтобы не дать втянуть себя в назревающую войну.

Популярная аналогия между поведением СССР и попытками Великобритании и Франции "умиротворить" Германию в 1937-1939 гг. обладает лишь внешним правдоподобием. "Старые" западные державы были перегружены многообразными обязательствами по отношению к разбросанным по всему миру колониям, зависимым территориям, доминионам – СССР отказывался предоставить защиту своим непосредственным соседям. Великобритания и Франция стремились изыскать возможность удовлетворить требования Германии даже ценой пересмотра условий мирного урегулирования, навязанного ей победителями в 1919 г. – Советский Союз отказывался договариваться с соседними странами на основе закрепления статус-кво. Осенью 1938 г. Франция предала союзную Чехословакию, для помощи которой французам требовалось рискнуть собственной безопасностью; весной 1939 г. Англия и Франция предоставили гарантии Польше, Румынии, Греции, признав что сохранение независимости далеких восточноевропейских стран соответствует их жизненным интересам. Колебания западных правительств отражали всю тяжесть ответственности за последствия проводимой ими политики защиты Центрально-Восточной Европы от Германии, предлагавшей Западу сохранение мира. – Напротив, СССР был отделен от агрессора буфером малых государств, от сохранения независимости которых зависело появление непосредственной угрозы у его границ. Доктринальная восточная направленность, тотальный характер германской экспансии устраняли саму возможность противопоставления интересов Советского Союза и его западных соседей, составлявших первую линию обороны. Пестовать ее, применяясь к особенностям местности – национально-политическому и социально-культурному ландшафту Восточной Европы было императивом любой ответственной российской политики.

Именно тогда, когда страна обрела экономический и военный потенциал, поставивший ее на одно из первых мест в мире, ее великодержавные амбиции вступили в явное и непримиримое противоречие с *системным изъяном* – неспособностью Москвы вести себя как великая держава: уметь согласовывать свои действия с более слабыми государствами, защита национальных интересов которых соответствует ее собственным коренным потребностям. На протяжении 20-х гг. это противоречие проявлялось в латентной форме, выражалось в отказе Москвы от предоставления своим соседям "негативных" гарантий безопасности – международно-правовых гарантий от нападения на них со стороны самой России. Возможности своевременного урегулирования споров и создания инфраструктуры сотрудничества между СССР и его западными соседями, которую открывала мирная (послевоенная) эпоха была безвозвратно упущена. Серия двусторонних пактов и многосторонних конвенций 1931-1933 гг. стала запоздалой поправкой к советской политике. Москва решилась на их заключение лишь на рубеже новой (предвоенной) эпохи, когда интересы восточноевропейских стран и самого Советского Союза уже никак не могли быть удовлетворены подобного рода "негативным" определением их взаимоотношений. Отставая от мировой динамики, Россия не слишком усердствовала в попытках наверстать упущенное на пу-

ти равноправного сотрудничества с соседними государствами. Она предпочла эксплуатировать их слабости, тем самым возвращаясь к базовым навыкам своего политического поведения 20-х – начала 30-х гг. вместо того, чтобы использовать созданные германской угрозой возможности подлинного распространения своего влияния в восточноевропейском регионе на основе принятия на себя великодержавной ответственности. Так было привычнее.

После подростковых танцев на ноге то немецкой, то французской, во второй половине 30-х гг. Москва, гордясь новообретенной европейской привлекательностью, повела себя как разборчивая невеста и сосредоточилась на сравнительной оценке женихов из Лондона и Берлина. Формула начала 20-х – предлагать свою любовь малым соседним странам становится "не только бессмысленно, но и компрометантно" – казалась ей теперь особенно уместной. В конце концов, она давно чувствовала свою великую будущность, всемирное предназначение и никогда не понимала этих неродовитых и небогатых провинциалов. Вегетарианские времена, впрочем, уже минули и нежелание, неумение строить отношения с ближайшими соседями неумолимо перерастало – иной подход казался просто нелепым – в попытку присвоить их имущество путем заключения грандиозного брачного контракта. На это, разумеется, мог согласиться лишь один из ухажеров – предвидевший, чем закончится брак по расчету, заключенный под звон бокалов в Кремле 23 августа 1939 г.

Очевидное преступление осудить нетрудно. Исторические маршруты, на которых оно способно зародиться, однако, слишком многообразны, чтобы сводить их к намерениям – идеологическому фундаментализму расы, нации, общественного класса, религиозной веры. Порой достаточно системного сбоя в работе разумной программы, чтобы получить катастрофический результат. Повторяющаяся системная ошибка его гарантирует.